

ИСТОРИЯ ЛОКУСОВ И РЕГИОНОВ

УДК 94(470.53)

doi 10.17072/2219-3111-2020-2-67-79

**ПРОСТИТУЦИЯ В ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА*****Н. Б. Кончаковская***

Уральский федеральный университет им. первого президента России Б. Н. Ельцина, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

natalia_konchak@mail.ru

Изучены разные аспекты женской проституции в городах Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. По материалам статистики 1889, 1897, 1909 гг. выявлены особенности распространения проституции как в крупных, торгово-промышленных городах, например, в Перми, Екатеринбурге, так и в небольших уездных и заштатных в указанный период. Актуализирована проблема городской проституции в рамках исследования женской повседневности. Предпринята попытка создания социального портрета женщин, занимавшихся коммерческим сексом (возраст, социальное происхождение, время начала занятия проституцией, наличие образования, экономическое положение и др.). Особое внимание уделено изучению общественного мнения о распространении проституции и реакции местной общественности на эту проблему в городах Пермской губернии. Рассмотрены возможные причины «обращения» женщин к проституции в городской среде в процессе урбанизации – такие как тяжелое материальное положение, жизнь в городе вдали от родственников, нежелание выходить замуж, эмансипация сексуальности и др. Дана оценка существованию наряду с легальной проституцией ее нелегальных форм, проанализированы механизмы распространения проституции. Прослежена динамика заболеваемости женщин, занимавшихся коммерческим сексом, венерическими болезнями. Рассмотрены основные факторы, которые приводили к прекращению занятия проституцией. Выявлены особенности повседневной жизни женщин, занимавшихся проституцией в городах Пермской губернии, в том числе условия их жизни, места проживания, возможные перемещения. Дана оценка влияния врачебно-полицейского контроля на их повседневность, выявлены ограничения в моральной сфере их жизни. Охарактеризован круг «клиентов».

Ключевые слова: проституция, женщина, город, повседневная жизнь, Пермская губерния.

Для более полного изучения повседневной жизни женщин в городах Пермской губернии конца XIX – начала XX в. целесообразно обратиться к анализу особенностей их девиантного поведения. Одной из форм девиантного поведения в женской среде являлась проституция. В рассматриваемый период проституция получила развитие и прочно «обосновалась» в городском пространстве Пермской губернии.

В современной отечественной историографии среди занимающихся проблемой проституции в Российской империи можно выделить Н.Б. Лебину, М.В. Шкаровского, Н.К. Мартыненко, выявивших взаимосвязь процессов урбанизации и распространения социально осуждаемого поведения женщин в конце XIX – начала XX в. [Лебина, Шкаровский, 1994; Мартыненко, 2008]. Е.Ю. Малышева на примере губернской Казани связывает распространение проституции в данный период с качественными изменениями в сфере городского досуга в процессе урбанизации, развитием городской инфраструктуры. Большую роль в обращении женщин к проституции играет, с ее точки зрения, экономический фактор [Малышева, 2012]. Исследование Н.С. Нижник посвящено изучению контроля за проституцией со стороны Российского государства в дореволюционный период [Нижник, 2012]. Большой интерес представляют работы социологического направления [Голосенко, Голод, 1998, 2009]. Согласно выводам И.С. Голода, в России в конце XIX – начале XX в. имела место эмансипация сексуальности, проявившаяся на разных уровнях. Значительный материал по городской повседневности Екате-

ринбурга содержит работа О.Н. Яхно и В.П. Микитюка, где уделено внимание и проблеме проституции [Яхно, Микитюк, 2014]. В диссертации А.В. Бушмакова прослежены изменения менталитета населения российского провинциального города во второй половине XIX – начале XX в., в том числе в отношении к услугам коммерческого секса [Бушмаков, 2006].

Иностранные авторы также уделяют внимание проблематике проституции в России в рассматриваемый период. Р. Стайтс связывает распространение проституции в России с бегством девушек из низших слоев населения от бедности [Staitc, 2004, с. 118]. Л. Энгельштейн обратила внимание на такие причины «обращения» к проституции среди женщин-крестьянок, как уход от патриархальной власти семьи, замужества и деторождения [Энгельштейн, 1996]. Подобной точки зрения придерживается Б. Альперн, проанализировав особенности миграции сельских женщин в города Центрального промышленного региона Российской империи, указав также на их незащищенность в городской среде [Alpern, 1994, р. 184]. Л. Бернштейн прослежена эволюция в общественном мнении о проблеме проституции в России – от морального осуждения женщин, занимавшихся коммерческим сексом, до организации широкой благотворительной помощи в их реабилитации в крупных городах России [Bernstein, 1995, р. 17]. Согласно К. Стаутер-Халстед, исследовавшей проституцию и социальный контроль в Польше, проституция стала видом дополнительного заработка, а проститутка – культовым нарушителем границ семьи среднего класса [Stauter-Halsted, 2013].

Следует отметить, что попыток специального изучения проституции в городах Пермской губернии конца XIX – начала XX в. предпринято не было.

XIX век в России стал для проституции «золотым временем» – проституция была легализована в 1843 г. указом императора Николая I. На всем протяжении дореволюционного периода была зарегистрирована и узаконена только женская проституция. Со второй половины XIX в., особенно к началу XX в., проституция стала предметом пристального внимания со стороны государства, общественности, поскольку в социальном явлении видели причину распространения венерических заболеваний и «падения нравов». Против проституции в конце XIX – начале XX в. стали выступать защитники женских прав, врачи, правоведы. Постепенно с обвинений в аморальности занятия коммерческим сексом общественность перешла к более научному, рациональному подходу к изучению проституции, стремлению помочь в реабилитации женщин [Bernstein, 1995, р. 18].

Надзором за проституцией в городах Пермской губернии, как и в целом в России, занимались специальные врачебно-полицейские (или санитарные) комитеты, в круг обязанностей которых входили учет проститутток, борьба с нелегальной проституцией, надзор за соблюдением проститутками правил и т.д. Главной целью, стоявшей перед российским правительством и обществом в надзоре над проституцией, являлось сохранение здоровья населения. Все «публичные» женщины были обязаны иметь санитарный (медицинский) билет и периодически проходить медицинский осмотр. Другой важной целью такого надзора служило поддержание социального порядка. Общественность и врачи Пермской губернии, так же как в целом в России, были обеспокоены распространением проституции.

Сравнивая сведения о занятии женщинами коммерческим сексом в городах Пермской губернии, содержащиеся в материалах обследования проституции в России за 1889 и 1909 гг. и Первой переписи населения Российской империи (1897 г.), можно констатировать факт укоренения официальной проституции в крупных, динамично развивавшихся в данный период городах: в губернской Перми и Екатеринбурге, причем в Перми к 1909 г. соответствующие показатели значительно выросли, как, впрочем, в Ирбите и Камышлове. Небольшой рост проституции наблюдался в Кунгуре и Красноуфимске (рис. 1, 2, 3) (Проституция по обследованию..., 1890, с. 45–47; Первая Всеобщая перепись..., 1904, с. 180; Врачебно-полицейский надзор..., 1910, с. 2).

В Екатеринбурге согласно общероссийской статистике показатели проституции менялись мало (рис. 1, 2, 3). Однако о других тенденциях отмечается в местных источниках: материалах городской переписи 1873, 1887 гг., городского врачебно-полицейского комитета за 1901 г. Так, в 1873 г. в городе была зарегистрирована 281 проститутка (в 48 домах терпимости). В 1887 г. в ожидании Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки власти города объявили проституции войну, и число женщин, легально занимавшихся коммерческим сексом, сократилось

до 164 (в 17 домах терпимости). В 1901 г. в Екатеринбурге насчитывалось 250 зарегистрированных проституток (в 20 домах терпимости) [Яхно, Микитюк, 2014, с. 405].

Такие уездные города, как Оса, Оханск, Чердынь, Соликамск, Верхотурье, в статистике по распространению городской пдроституции за 1909 г. уже не фигурируют, хотя в 1889 г. в Осе было зафиксировано 10 проституток-одиночек, в Оханске – 8, в Чердыни – 18, в Соликамске – 14, в Верхотурье работали 7 домов терпимости (27 проституток) и 37 одиночек. Численность женщин, состоявших на учете в связи с занятием проституцией на рубеже XIX – XX в., в них свелась практически к нулю (в Осе – 1 проститутка, Соликамске – 2). Маленькие заштатные города Алапаевск, Далматов, горный город Дедюхин в статистику внесены не были (рис. 1, 2, 3).

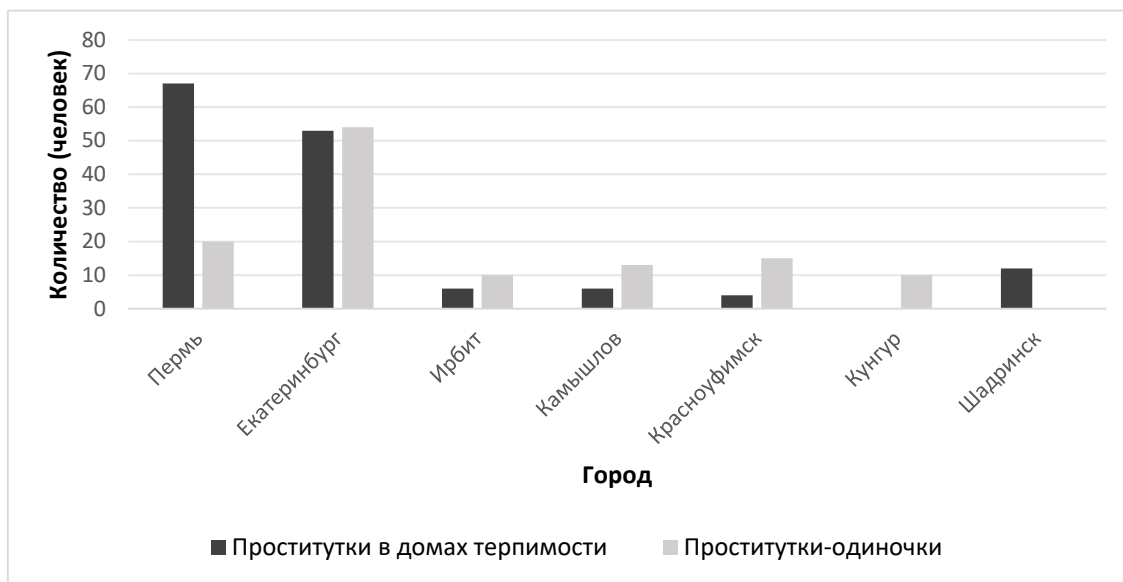

Рис. 1. Количество женщин, зарегистрированных в занятии проституцией в городах Пермской губернии в 1889 г.

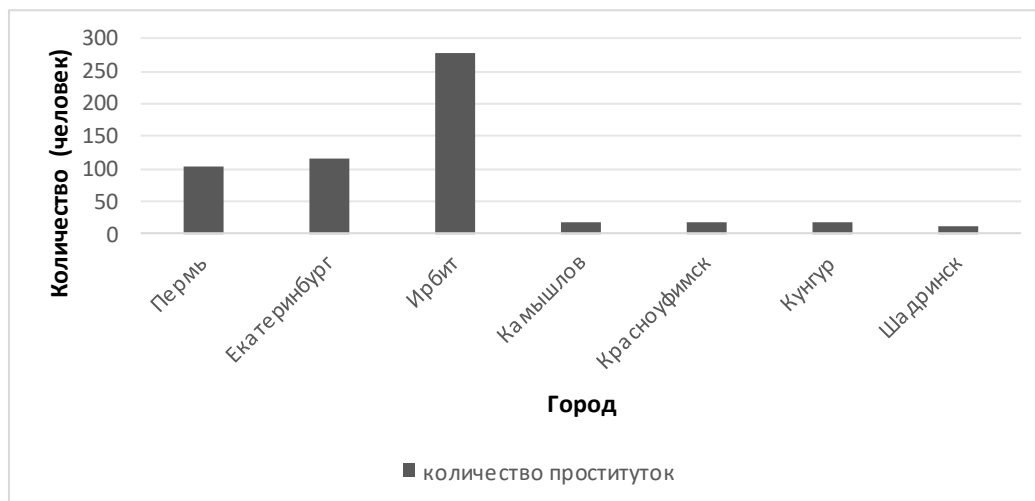

Рис. 2. Количество женщин, зарегистрированных в занятии проституцией в городах Пермской губернии в 1897 г.

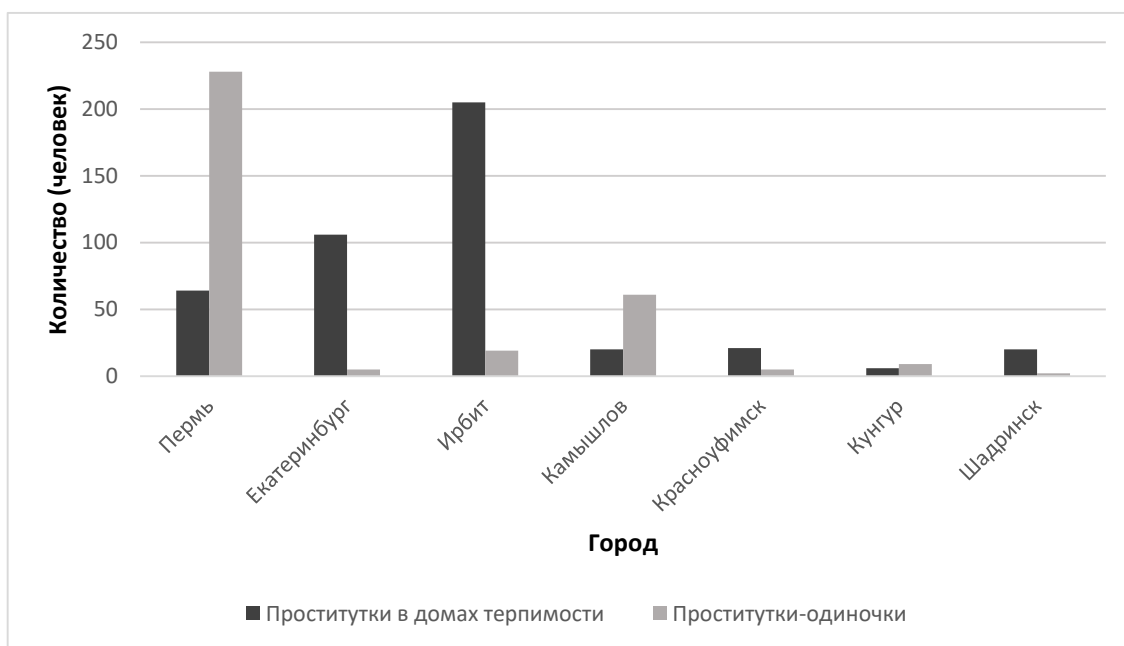

Рис. 3. Количество женщин, зарегистрированных в занятии проституцией в городах Пермской губернии в 1909 г.

Согласно статистическим данным за 1889, 1897 гг. проституция в Пермской губернии была распространена в подавляющем числе городов. На долю уездов в 1889 г. приходилось 12% от общего числа проституток, в 1897 г. – значительно меньше – 2,8% женщин, легально занимавшихся коммерческим сексом (Проституция по обследованию..., 1890, с. 14; Первая Всеобщая перепись..., 1904, с. 176–183). Аналогичная тенденция в это время наблюдалась в целом по России.

Определенная часть женщин в городах Пермской губернии занималась проституцией «тайно» в рамках общероссийского развития нелегального рынка «торговли телом». Органы надзора периодически выявляли притоны нелегальной проституции, распуская, например, хоры арфисток в гостиницах, задерживали женщин по подозрению в тайной проституции. В статистике за 1889 и 1909 гг. число женщин, задержанных по подозрению в нелегальном занятии проституцией в отдельных городах, составляло в среднем от 8 до 25% от числа легальных проституток (Проституция по обследованию..., 1890, с. 14; Врачебно-полицейский надзор..., 1910, с. 79). Как было отмечено в отчете Пермского губернатора за 1880 г., «...в Перми и Екатеринбурге, а также в значительных торговых пунктах, как, например, Ирбит; в тех селениях, где ... наблюдается скопление холостых мужчин, особенно нижних военных чинов...», процветала тайная проституция, «...часто сопровождающаяся сифилическим заражением» (ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 46. Л. 27). Земства в середине 1880-х гг. обращались к губернатору в связи с проблемой нелегальной проституции на ярмарках (ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 46. Л. 27 об.). О распространении коммерческого секса, причем с участием как «явных», так и тайных проституток, на ярмарках Пермской губернии сообщалось во врачебных хрониках начала XX в. (Обзор Пермской губернии, 1902, с. 180). В Екатеринбурге в 1909–1910-х гг. были приняты жесткие меры против нелегальной проституции [*Яхно, Микитюк*, с. 406]; (Журналы Пермской городской думы, 1911, с. 76).

По материалам исследования проституции в Ирбите врача П.Н. Серебренникова в 1884 г. было выявлено 208 проституток, из которых 27 были освидетельствованы как тайно занимавшиеся проституцией. По мнению врачей, женщин, нелегально занимавшихся проституцией, на самом деле насчитывалось гораздо больше, как минимум столько же, сколько и «явных» (*Серебренников*, 1884, с. 4; *Длюшевский*, 1888, с. 5). Ярмарочная проституция становилась своеобразным «промыслом» для жительниц окрестных волостей Ирбита (Памятная книжка..., 1890, с. 108; Ирбитская ярмарка, 1912, № 23, с. 4). Кроме того, в городах и на ярмарках появлялось все больше питейных заведений, кафе-шантанов, гостиниц, где женщины работали прислужкой и

артистками, и по словам современников, могли быть актуальны услуги нелегальной проституции (Ирбитская ярмарка, 1912, № 23, с. 4; Местные новости, 1903, № 59, с. 3).

Можно согласиться с современными исследователями, связывающими распространение проституции как специфической формы досуга, девиантного поведения в российских городах конца XIX – начала XX в., с процессами урбанизации, развития городской инфраструктуры [Лебина, Шкаровский, 1994, с. 54; Малышева, 2012, с. 77]. В это время в городском пространстве Пермской губернии также шли процессы урбанизации (наиболее интенсивно в крупных, торгово-промышленных, «ярмарочных» городах). В таких условиях складывалась городская культура с особыми формами повседневной жизни, с особым менталитетом. Одной из форм городского досуга были услуги коммерческого секса. Пермь и Екатеринбург являлись самыми крупными и динамично развивавшимися торгово-промышленными центрами, где быстрыми темпами происходила урбанизация, вслед за ними шли Кунгур, Камышлов, Шадринск с хорошо развитой торговлей. В Ирбите проходила ежегодная известная всей России ярмарка, и несмотря на значительное снижение объемов продаж в начале XX в., рынок коммерческого секса здесь увеличивался. В таких небольших городах, как, например, Оса, Оханск, Соликамск, Верхотурье, процессы урбанизации не получили должного развития.

Для историка повседневности особый интерес представляет социальный портрет женщины, занимавшейся коммерческим сексом. Кто она, к какой категории населения принадлежала, каков уровень ее доходов, каковы факторы, способствовавшие занятию проституцией. Ответы на эти вопросы позволяют не только описать проституцию как социальное явление, но и посмотреть сквозь него на повседневную жизнь представителей социального слоя, их интересы, ценности, жизненные ситуации, в которых они оказывались.

По государственной регламентации с 1844 г. проституцией было разрешено заниматься с 16 лет, с 1903 г. возраст начинающих заниматься данной деятельностью был повышен до 18 лет для одиночек и до 21 года для проституток в домах терпимости. Фактически же, судя по данным за 1889 г., вступали в ряды проституток и те, кто был младше 12 лет. Несовершеннолетних проституток контролирующие органы обычно не ставили на учет, а должны были передавать на попечение родственникам. Проблема значительного роста детской проституции в России беспокоила общественность и стала одной из главных на Первом съезде по борьбе с торгом женщинами в 1910 г. (Труды Первого..., 1911, 1912).

В городах Пермской губернии были особенности, связанные с возрастом начала занятия женщинами проституцией (рис. 4). Если наибольшее число проституток в Российской империи в конце XIX в. «обращались» к проституции в 16–17 лет, то в городах Пермской губернии – в 17–18 (рис. 4). Анализ других возрастных категорий, позволяет увидеть, что по Пермской губернии график сдвинут в сторону более старшего возраста (18 лет). Можно предположить, что максимум обращения женщин к проституции приходится на время разрыва связей с родительской семьей, на период, когда девушка становилась самостоятельной и являлась физически развитой. Вместе с тем в Пермской губернии в 1889 г. 6% женщин начали заниматься коммерческим сексом с 15 до 16 лет (рис. 4). Имеется несколько сообщений в местной печати о «детской» проституции в начале XX в. Например, в 1912 г. в Камышлове, в одной из пивных, были обнаружены девочки-подростки (12–14 лет) в обществе «старухи - содержательницы». Оказалось, что они занимались проституцией. Губернские органы полиции поручили проследить за этим нежелательным явлением «кому следует» (Дети проститутки, 1912, № 141, с. 4).

В Пермской губернии в конце XIX в. по статистике чаще всего проституцией занимались молодые женщины в возрасте до 25 лет. Их количество составляло почти 70% от общего числа проституток. Чуть менее трети – 27,8% состоявших на учете в связи с занятием проституцией, – имели возраст от 25 до 40 лет, 1,2% были старше 40 лет. В большинстве городов Пермской губернии по статистическим данным 1889 г. средний возраст женщин, занимавшихся проституцией в домах терпимости, составлял 20 лет. Средний возраст проституток-одиночек разнился от 19 (в Ирбите) до 26 лет (в Соликамске). В 1897 г. в городах Пермской губернии считывалось 216 женщин, занимавшихся проституцией, в возрасте 17–19 лет, 958 – в возрасте 20–39 лет (Проституция по обследованию..., 1890, с. 18; Первая Всеобщая перепись..., 1904, с. 176–183). На начало XX в. не имеется столь подробной статистики относительно этого явления. Как отмечала общественность в начале XX в., проституцией занимались в основном молодые де-

вушки. Судя по журналам врачебно-полицейского надзора за проституцией Перми и Шадринска, в конце XIX – начале XX в. возраст подавляющего числа поднадзорных составлял 21–23 года (ГАШ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 13. Л. 4–51; ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 83. Л. 5–89).

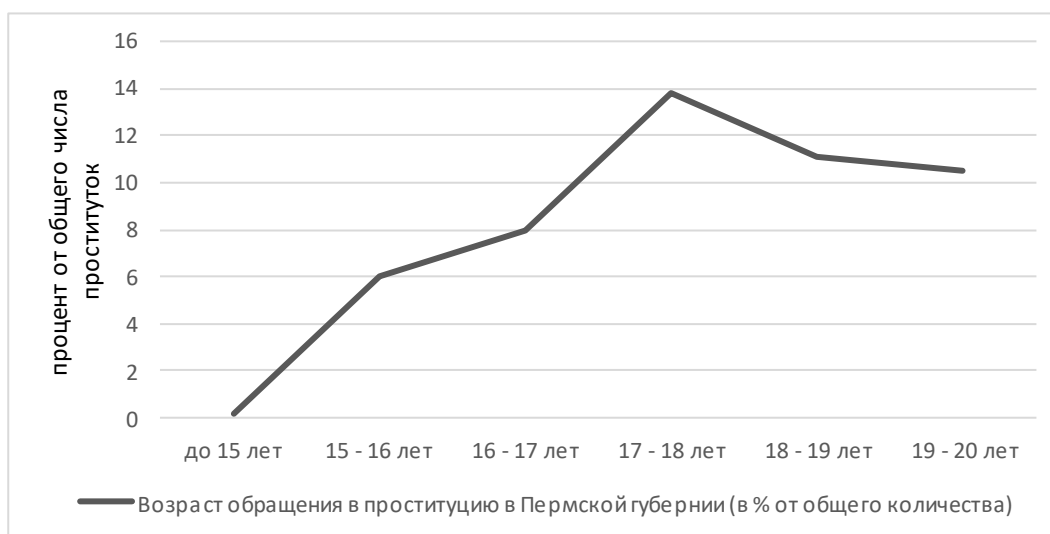

Рис. 4. Возраст обращения женщин к проституции в Пермской губернии в 1889 г., в процентах от общего количества

В проститутки чаще попадали девушки из бедных семей – 83,5 % в 1889 г. Однако 15,5% их происходила из семей, которых относили к «достаточным». Вышедших из семей «богатых», по результатам обследования 1889 г., было зарегистрировано 0,9% от общего числа (Проституция по обследованию..., 1890, с. 12). Местная общественность в начале XX в. указывала на бедность как главную причину обращения женщин к проституции, как и защитники женских прав на общероссийском уровне (Обзор Пермской губернии..., 1902, с. 185; Виноградов, 1913, с. 5; Покровская, 1900, с. 3; Тыркова, 1910, №6, с. 125; Труды Первого..., 1911, с. 12; Бентовин, 1912, с. 11).

Женщины, проживавшие в домах терпимости, по закону имели право на половину получаемого дохода, остальное отдавали содержательнице, которая предоставляла им помещение, отопление, пищу, белье – все то, что «...нужно для скромного существования» (Врачебно-полицейский надзор..., 1910, с. 21). Впрочем, денежные расчеты могли варьироваться, а реальные доходы быть значительно ниже. Кроме того, у многих проституток были долги перед содержательницами домов терпимости. Российские защитники женских прав писали о жестоком отношении содержателей публичных домов к своим подопечным, хотя последние были защищены от своих «хозяев» законом. Периодически обитательницы домов терпимости жаловались полицейским приставам на захват вещей содержательницами, кражи, совершаемые клиентами или соседками (ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 83. Л.3-94 об. Л. 25, 35).

Согласно градации публичных домов посещение (час) женщины, занимавшейся коммерческим сексом, стоило от 30–50 копеек в дешевых домах до 3 – 5 рублей в дорогих. По обследованию проституции 1889 г. большинство женщин, занимавшихся коммерческим сексом, были зарегистрированы в домах терпимости среднего (1–3 рубля за посещение) и низшего разряда (50 копеек –1 рубль) (Проституция по обследованию..., 1890, с. 7).

Подавляющее большинство женщин, записанных в проститутки, по статистике конца XIX в. не имели никакого образования: 77,6% из числа проституток в домах терпимости, 79,6% из числа проституток - одиночек. Такой высокий процент безграмотных можно объяснить тем, что большая часть женщин, принадлежавших к данной категории, происходила из крестьянок как в целом по России, так и в городах Пермской губернии. В 1889 г. большинство женщин, зарегистрированных в занятии проституцией в Пермской губернии, являлись крестьянками: 70,6% от числа проституток-одиночек, 80,2% от числа проституток домов терпимости; мещанки составляли в среднем около 17% от общего числа. Представительницы дворянства, купечества, духовного сословия были исключением в ряду проституток. Большинство женщин, зани-

мавшихся проституцией, были русскими, православными. Как правило, они были местными, выходцами из Пермской губернии, в отличие, например, от женщин, занимавшихся проституцией в столичных городах, приезжавших из других губерний. Неместных больше всего было в Перми (Проституция по обследованию..., 1890, с. 63).

По документам по надзору за женщинами, состоявшими на учете в связи с занятием проституцией в Перми, Верхотурье, Шадринске в середине 1880-х – 1890-е гг. и в 1901 – 1905 гг., поднадзорные женщины чаще всего приезжали из сельской местности, с заводов, подальше от родни и соседей (ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 46–48; ГАСО.Ф. 621. Оп. 1. Д. 190; ГАШ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 13). В целом в европейской части России, куда входила и Пермская губерния, большинство женщин, занимавшихся проституцией, по роду занятий (до регистрации их в занятии проституцией) относились к домашней прислуге, жили при родителях и родных либо не имели еще определенных занятий. В городах Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. самым распространенным, неквалифицированным и низкооплачиваемым видом работы для женщин из бедных, необразованных слоев города, мигранток из деревни или заводских поселков была работа прислужкой. Кроме того, риск занятия проституцией существовал среди местных фабрично-заводских и ремесленных работниц (Об альтернативе браку, 1903, с. 6). Безработица, низкая зарплата, нежелание работать в тяжелых условиях могли влиять на выбор женщины начать заниматься коммерческим сексом.

По оценкам современных исследователей, часть женщин, претендовавших на более высокое положение в обществе, с помощью зарабатывания денег проституцией, могла покупать наряды, улучшать быт, в результате получить более престижную работу и даже удачно выйти замуж [Энгельштейн, 1996, с. 480; *Alpern*, 2013, р. 12; *Staitc*, 2004, с. 85]. Согласно Л. Энгельштейн, обращение к проституции девушек из крестьянской среды могло свидетельствовать также о нежелании рано выходить замуж и рожать детей, о попытке уйти от жизни с нелюбимым человеком [Энгельштейн, 1996, с. 449]. К тому же женщины, приходившие в города, обычно жили вне контроля семьи, могли иметь более свободные сексуальные связи (*Alpern*, 1994, р. 106). Свою роль в решении заниматься коммерческим сексом, возможно, играла и определенная эмансипация сексуальности, происходившая в российском обществе в конце XIX – начале XX в. (*Голосенко, Голод*, 1998, с. 120; *Голод*, 2009, с. 72). В данных условиях наиболее предрасположенными к занятию проституцией могли быть женщины определенного психологического склада, с отклонениями в интимно-нравственной сфере [*Либина, Шкровский*, 1994, с. 58].

Очевидно, имело место и вовлечение девушек в занятие коммерческим сексом. Одну «вербовщицу» – мещанку И. Маслову, «приводившую» девушек к занятию проституцией нередко путем обмана, – задержали в Екатеринбурге в 1914 г. Ее заказчицами были содержательницы местных и сибирских притонов. Вербовщица находила девушек, оказавшихся в сложном материальном положении, искавших работу прислужки, швей, организовывала им встречи с содержательницами домов терпимости. Девушки могли узнать о том, какая их ждала работа после того, как у них забирали паспорта. В случае отказа заниматься проституцией вербовщица запугивала и «ставила на деньги» (Торговцы живым товаром, 1914, № 33, с. 5). Однако юридически занятие проституцией являлось добровольным. Лица же, вовлекавшие в данное занятие, подлежали уголовному наказанию. С 1909 г. женщины были защищены от принудительного удержания в домах терпимости специальным законом (Врачебно-полицейский надзор..., 1910, с. 12).

Современники в качестве факторов обращения к проституции указывали бедность, «упадок» общественной нравственности, воспитание в неблагополучной семье, безграмотность, предрасположенность к данному занятию, а также влияние городской жизни (*Покровская*, 1900, с. 2; *Тыркова*, 1910, № 6, с. 124; *Виноградов*, 1913, с. 4; *Труды Первого...*, 1912, Т. 2, с. 585; *Канкарович*, 1907, с. 12); [*Мартыненко*, 2008, с. 68]. Участницы российского женского движения обвиняли мужчин как потребителей коммерческого секса (*Тыркова*, 1910, с. 11; *Покровская*, 1900, с. 2). Как отмечала М.И. Покровская, среди причин «падения» деревенской девушки в городской среде могло быть и ее «дурное» окружение, в которое она могла попасть по незнанию городских нравов, по наивности (*Покровская*, 1900, с. 3). Известные российские врачи заявляли о необходимости «полового оздоровления» России, отводя в нем большую роль нравственному воспитанию в среде молодежи, половому воздержанию и преодолению двойной

морали, снисходительной к мужчинам (*Бернштейн*, 1908, с. 12; *Бехтерев*, 1910, с. 8). Местная общественность сетовала на недооценку экономического фактора в подходе к проблеме проституции в губернии (*Виноградов*, 1913, с. 4).

Большую часть клиентов женщин, занимавшихся коммерческим сексом, составляли представители малообеспеченных слоев населения. По статистике 1889 г. в городах Пермской губернии, особенно в небольших, преобладали дешевые публичные дома (Проституция по обследованию..., 1890, с. 7–9). К услугам коммерческого секса прибегали и представители других слоев городского населения. Анализируя распространение ярмарочной проституции, например, на Ирбитской ярмарке, можно предположить, что услуги коммерческого секса становились популярными среди занимавшихся предпринимательством, буржуазных элементов местного общества. Предположения не противоречат выводам К. Стаутер-Халстед о том, что женская проституция в польских губерниях в конце XIX – начале XX в. стала символическим нарушителем «священных» границ буржуазной семьи, вошла в интимное пространство среднего класса, а часть буржуа в Польше оказались постоянными потребителями коммерческого секса [*Stauter-Halsted*, 2013, p. 115]. В газете «Екатеринбургская неделя», в рассказе Н. Стахевич «Счастливая» показан случай «проникновения» коммерческого секса в молодую купеческую семью (*Стахевич*, 1890, № 11, с. 3).

В контингент потребителей проституции могли входить чиновники и интеллигенты. К примеру, в Сибири, по словам А.П. Чехова, существовала у чиновников и представителей интеллигенции традиция после пирушек посещать дома терпимости (*Чехов*, 1985, с. 137). Можно предположить, что подобные случаи могли происходить и в городах Пермской губернии, среди холостых мужчин [*Бушмаков*, 2006, с. 132]. Посетители общественных собраний также могли продолжать свой «отдых» в публичных домах. Местные журналисты сетовали на то, что среди горожан отмечалась «замечательная развязность и безнравственность», по крайней мере в крупных городах. Городские же жители смотрели на проституцию «...скорее как на неизбежное зло» (*Мелочи вседневной жизни*, 1893, № 35, с. 905; *О Харитоновском саде*, 1912, № 119, с. 4; *Константинович*, 1900, № 181, с. 5). Серьезную обеспокоенность горожан вызывала нелегальная проституция, угрожавшая бесконтрольным распространением венерических болезней.

Автор заметки о проституции в газете «Уральская жизнь», С.М. Виноградов, пришел к выводу о том, что само устройство брачных отношений приводило к тому, что услугами коммерческого секса могли пользоваться и женатые мужчины [*Виноградов*, 1913, с. 3, 4]. К тому же вокруг сексуальных отношений создавался некий «романтический ореол» [*Голод*, 2009, № 9, с. 70]. В городском пространстве появлялось все больше эротической и бульварной литературы, произведений, открыто говоривших о проявлениях сексуальности (Корреспонденции «Екатеринбургской недели», 1895, № 25, с. 880). В местной прессе начала XX в., например, рекламировались презервативы, брошюры «Как утолить половой голод», «Как предохранить себя от заражения венерическими болезнями» (*Уральская жизнь*, 1912, № 12, с. 6; *Пермские губернские ведомости*, 1910, № 58, с. 7).

Государство и общественность были обеспокоены фактами пользования услугами коммерческого секса юношами из среды учащихся (*Борьба с детским алкоголизмом*, 1906, с. 5; «В Перми открылось..., 1912, с. 4) [*Егорова*, 2008, с. 106; *Бушмаков*, 2006, с. 68]. Факты посещения проституток некоторыми учащимися отмечены в воспоминаниях о дореволюционной Перми писателя В.А. Игнатьева, в журнале пермских гимназистов «Наши думы» (ГАСО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 49. Л. 11–13) [*Бушмаков*, 2006, с. 132]. В кругу учащейся молодежи были популярны произведения, авторы которых (например М. Арцыбашев, Л. Андреев) обращались к сексуальным вопросам.

Повседневность женщин, занимавшихся коммерческим сексом, ограничивалась правилами морального свойства. Они должны были воздерживаться от излишнего употребления вина, вести себя в общественных местах насколько можно скромнее, не показываться в окнах в неблагоприятном виде. Строгие требования предъявлялись и к их внешнему виду. Предписывалось как можно меньше употреблять белил и помад, мазей и притираний. Окна домов терпимости и квартир проституток–одинок следовало завешивать плотными шторами, в темное время суток закрывать окна ставнями. На улице женщинам, занимавшимся коммерческим сексом, запрещалось обращаться к прохожим, зазывать их к себе. Нельзя было также ходить не-

скольким женщинам вместе, а после часа ночи – показываться на улице. Им разрешалось посещать театр, но запрещалось занимать места в партере [*Нижник*, 2012, с. 12]. Существовала иерархия женщин, занимавшихся коммерческим сексом: от бедно одетых уличных проституток, искавших клиентов вечерами на центральных улицах, артисток, выступавших в городских садах, до «камелий» – проституток высокого ранга, одевавшихся и державших себя как светские дамы. Проститутки-одиночки обычно принадлежали к самой низкой категории, «обслуживали» чаще всего простолюдинов.

Описывая спрос и предложение на коммерческий секс в Екатеринбурге в начале 1900-х гг., местный корреспондент отмечал, что с наступлением сумерек на Главном проспекте начинали двигаться «...тени обоих полов, выслеживающих друг друга...» (Местные новости, 1903, с. 6). В Перми проститутки могли «фланировать» по местному бульвару, как вспоминал пермский врач А.А. Кюнцель (ГАПК. Ф. 1596. Д. 126. Л. 56).

Распорядок дня женщины, занимавшейся коммерческим сексом, мог быть таким. День женщины начинался поздно, к послеобеденному времени она была готова к выходу на улицу. Условия жизни соответствовали ее «разряду». По свидетельствам современников, обитательницы дешевых домов терпимости ютились в плохо обустроенных, грязных комнатках. Заведения «среднего» и тем более «высшего» разряда старались оборудовать побогаче, позффектней [*Мартыненко*, 2008, с. 54; *Малышева*, 2012, с. 74]. По сведениям врачебных инспекторов, в дорогих заведениях подобного типа девушки могли принимать за ночь до 6 клиентов, в «средних» – до 15, в дешевых – еще больше (*Порошин*, 1897, № 225, с. 25). В местах проживания этих женщин, судя по отзывам горожан, могли быть распитие спиртного, курение, скандалы, в домах терпимости нередко осуществлялась незаконная торговля табаком, спиртными напитками (ГАШ. Ф. 499. Оп.1. Д. 21, 35, 38, 40; Журналы Ирбитской городской думы, 1902, с. 88).

Особые правила определили места проживания женщин, занимавшихся коммерческим сексом, – размещение домов терпимости и жилья проституток-одиночек. Они должны быть удалены не менее чем на 150 саженей от церквей, училищ, школ, общественных учреждений и соответствовать санитарным нормам, то есть быть сухими, достаточно светлыми, не помещаться в подвалах. Вход в помещение не мог располагаться с улицы. Женщинам, зарегистрированным как проститутки-одиночки, разрешалось селиться только по одной в комнате (Врачебно-полицейский надзор..., 1910, с. 28) [*Нижник*, 2012, с. 28]. В Екатеринбурге, Шадринске, Кунгуре, Ирбите территориально дома терпимости находились недалеко от центра, несмотря на жалобы горожан (Журналы Ирбитской городской думы, 1902, с. 88) [*Яхно*, *Микитюк*, 2014, с. 407]. В Шадринске они были перенесены дальше от центра только в 1911 г. (ГАШ. Ф. 499. Оп.1. Д. 21, 35, 38, 40).

Врачебный осмотр женщины, занимавшейся коммерческим сексом, должны были проходить от одного до двух раз в неделю в зависимости от того, к какой категории они принадлежали – к «бланковым» или «билетным». За неявку на врачебный осмотр их привлекали к ответственности.

Несмотря на усиленный санитарный контроль государства за женщинами, занимавшимися коммерческим сексом, отмечался гораздо больший процент зараженности их сифилисом и другими венерическими заболеваниями по сравнению с уровнем заболеваемости этими болезнями населения Пермской губернии (Обзор Пермской губернии, 1901, 1909; Памятная книжка..., 1899; Врачебно-полицейский надзор..., 1910, с. 2). Зарубежные и отечественные врачи считали коммерческий секс источником 70–80 % случаев заражения сифилисом в России (*Мессарош*, 1896, с. 5; Труды Первого..., 1912, с. 67). При обнаружении признаков венерических или иных болезней женщина, состоявшая на учете по занятию проституцией, была обязана срочно явиться в больницу, также требовалось соблюдение гигиенических правил, посещение бани не реже двух раз в неделю [*Нижник*, 2012, с. 29].

В 1889 г. в Перми был самый высокий процент заболевших сифилисом у данного контингента женщин – 36,8%, другими венерическими заболеваниями заболела одна женщина. Высокий процент заболевших сифилисом среди женщин, занимавшихся коммерческим сексом, отмечался в Верхотурье, Ирбите (около 30%). В Екатеринбурге доля заразившихся сифилисом была самой низкой – 6,5%, но у 47,7% фиксировались другие венерические заболевания (Проституция по обследованию..., 1890, с. 10–12). В 1889 г. в среднем около 23% женщин, зарегистри-

стрированных в занятии проституции в городах, болели сифилисом, около 16 % имели другие венерические заболевания.

В 1909 г. в большинстве городов Пермской губернии доля женщин данного контингента, переболевших венерическими заболеваниями, официально снизилась в среднем на 6–9%. Значительно уменьшилась она в Перми, а в Екатеринбурге, наоборот, наблюдалось резкое повышение процента зараженных сифилисом. В Ирбите и Камышлове в 1909 г. не было отмечено ни одной больной сифилисом. Возможно, это связано с недостаточным врачебным контролем (Врачебно-полицейский надзор..., 1910, с. 2).

По наблюдениям врача П.Н. Серебренникова, как правило, женщины, занимавшиеся коммерческим сексом, заражались сифилисом в юном возрасте, в течение первых трех лет своей деятельности (Серебренников, 1884, № 9, с. 4). В целом же проблема заболеваемости сифилисом женщин, занимавшихся коммерческим сексом в городах Пермской губернии, в рассматриваемое время являлась и серьезной. Существовала большая опасность для жизни как самой женщины, так и ее клиента.

Женщины, зарегистрированные в занятии проституцией, обязаны были сообщать о своих перемещениях; при переезде им выдавалось специальное свидетельство. Вместо паспорта у женщины на руках был «желтый билет», что являлось показателем дискриминации данной категории населения в гражданских правах, что отмечали и современники (Бентовин, 1912, с. 104; Елистратов, 1903, с. 27; Труды Первого..., 1911, с. 85). Согласно документам по надзору за проституцией в Перми, Верхотурье, Шадринске, относящимся к середине 1880-х, 1890-м, 1901–1905 гг., можно говорить о склонности большинства женщин, занимавшихся проституцией, к перемене мест проживания (ГАШ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 13. Л. 4–51; ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 83. Л. 5–89). В течение года они перемещались из одной части города в другую, уезжали в другие города и селения Пермской губернии, на ярмарки, реже – в другие губернии.

Согласно статистики в конце XIX в. в Пермской губернии самое большое количество женщин занималось легальной проституцией от одного года до трех лет, занимавшихся проституцией 6–7 лет были единицы (Проституция по обследованию..., 1890, с. 62.). Врачи Пермской губернии отмечали, что большинство женщин занималось данной деятельностью в течение пяти лет (чаще всего 2–3 года). Проституция, по их словам, требовала «свежих жертв» (Серебренников, 1884, с. 4; Длугошевский, 1888, с. 6; Никольский, 1883, с. 5). Подобная ситуация наблюдалась и в европейской части России (Проституция по обследованию..., 1890, с. 47).

Женщина могла в любое время прекратить занятие проституцией, при этом требовалось заявление от нее либо от ее родственников, опекунов, мужа, поручителей, подтверждавших, что они будут следить за нравственностью женщины. Органы надзора за проституцией некоторое время негласно следили за поведением женщины, чтобы убедиться в том, что она не занималась тайно проституцией. По документам журнала Пермского городского санитарного комитета в конце XIX в. самой распространенной причиной отказа от занятия проституцией было поступление на работу, как правило, прислугой. Более редкими причинами являлись сожительство, замужество, отъезд домой. В случае отъезда проститутки домой заявление часто писали матери (ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д.83. Л. 5–89).

В городах Пермской губернии не существовало благотворительных учреждений, основными целями которых были борьба с проституцией, реабилитация женщин, оставивших занятие проституцией. Здесь имелись заведения, помогавшие и обеспечивавших работой женщин, попавших в сложные жизненные ситуации; кроме того, функционировали приюты для бедных. В 1898 г. в Перми открылся Дом трудолюбия, куда принимались мужчины и женщины, оказавшиеся в трудном положении; еще один Дом трудолюбия существовал в Екатеринбурге с 1897 по 1908 г. В 1896 г. появился приют для женщин в Кунгуре (Кунгур, 1896, № 6, с. 4), однако следы этого заведения теряются на рубеже XIX и XX вв. (Памятная книжка..., 1899, с. 65).

Таким образом, проституция являлась частью повседневности городов Пермской губернии в рассматриваемый период, одной из сфер городского досуга. В условиях урбанизации проституция была наиболее распространена в крупных торгово-промышленных, торговых, ярмарочных городах. В большинстве маленьких уездных и заштатных городов явление проституции к 1909 г. зарегистрировано не было. Часть женщин занималась коммерческим сексом неле-

гально. Предложение на рынке данного вида услуг рождалось спросом, распространившимся на разные слои городского мужского населения, в том числе на предпринимателей.

Женщины, занимавшиеся коммерческим сексом, в глазах общественности и врачей являлись главными источниками заражения венерическими болезнями. Процент их заболеваемости был значительно выше, чем в среднем у населения Пермской губернии.

Городские проститутки были чаще всего незамужними, в возрасте от 20 до 25 лет, из бедных семей. В основном они являлись неграмотными, преимущественно выходцами из крестьян, мещан, мигрантками из деревень и заводских поселков. Их жизнь в городе проходила вне контроля семьи, удаленно от родственников. Для молодой девушки причинами обращения к проституции помимо экономических факторов могло быть нежелание рано выходить замуж, попытка ухода от трудностей физической работы, ценностные установки в интимно-нравственной сфере. Кроме того, в российском обществе в это время происходила эмансипация сексуальности. Занятие проституцией было оплачиваемой работой, по закону являлось личным выбором женщины и могло рассматриваться в качестве временного, дополнительного заработка.

Повседневность женщины, занимавшейся коммерческим сексом, была ограничена на государственном уровне. Эти ограничения, контролируемые полицией и врачами, охватывали моральную сферу жизни женщины, ее поведение, внешний вид, место проживания.

Список источников

- Бентовин Б. И.* Торгующие телом // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами. СПб., 1912. Т. 2. С. 101–127.
- Бернштейн А. Н.* Вопросы половой жизни в программе семейного и школьного воспитания. СПб.: Б. и., 1908. 31 с.
- Бехтерев В. М.* Вопросы общественного воспитания. СПб.: Б. и., 1910. 41 с.
- Борьба с детским алкоголизмом // Уральская жизнь. 1906. № 34. С. 5;
- В Перми открылось общество «Светлая юность» // Уральская жизнь, 1912, № 115. С. 3.
- Виноградов С.М. Аккорды жизни // Уральская жизнь. 1913. № 40. С. 4, 5.
- Врачебно-полицейский надзор за городской проституцией. СПб.: Б. и., 1910. VI, 56, 61 с.
- Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп.1. Д.46; Ф. Р-973. Оп.1. Д.49.
- Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 1596. Оп. 1. Д. 126.
- Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 35. Оп. 1. Д. 83.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 35. Оп. 1. Д. 3; Ф. 621. Оп. 1. Д.190.
- Государственный архив в г. Шадринске (ГАШ). Ф. 499. Оп. 1. Д. 13, 36; Ф. Р-1087. Оп. 1. Д. 210.
- Дети проститутки //Уральская жизнь. 1912. № 141. С. 4.
- Длююшевский Л. С.* Несколько слов о мерах к уменьшению распространения сифилиса // Пермские губернские ведомости. 1888. № 69. С. 4, 5.
- Дунаев А.* Сифилис и венерическая болезнь // Пермские губернские ведомости. 1872. № 35, 36.
- Журналы Ирбитской городской думы за 1901 г. Ирбит: Б. и., 1902. 308 с.
- Журналы Пермской городской думы за 1910 г. Пермь: Б. и., 1911, 406 с.
- Елистратов А. И. О прикреплении к проституции. Казань: Б. и., 1903. 398 с.
- Ирбитская ярмарка // Уральская жизнь, 1912, № 23, с. 6.
- Канкарович И. И.* Проституция и общественный разврат. К истории нравов нашего времени. СПб.: Б. и., 1907. 200 с.
- Константинович.* О любви некоторых представителей мужского пола к «гейшам» // Уральская жизнь. 1900. № 181. С. 4–5.
- Корреспонденции «Екатеринбургской недели» //Екатеринбургская неделя. 1895. № 25. С. 702.
- Кунгур // Екатеринбургская неделя. 1896. № 6. С. 128.
- Мелочи вседневной жизни // Екатеринбургская неделя. 1893. № 35. С. 905.
- Мессарош П.И. К вопросу о распространении сифилиса в России. СПб.: Б. и., 1896. 22 с.
- Местные новости //Пермские губернские ведомости. 1903. № 59. С. 3.
- Никольский Д. О. О мерах против сифилиса, выработанных Екатеринбургским земством в 1882 году // Врачебные ведомости. 1883. № 33. С. 28–32.
- Об альтернативе браку // Пермские губернские ведомости, 1903, № 256. С. 6.

- Обзор Пермской губернии за 1909 год. Пермь, 1902. 2, 122, 59 с.
Обзор Пермской губернии за 1901 год. Пермь, 1910. 2, 126, [2], 48 с.
О харитоновском саде // Уральская жизнь. 1912. № 119. С. 4.
Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 г. Пермь: Б. и., 1890. 325 с.
Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1900 г. Пермь: Б. и., 1899. 352 с.
Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1899–1905. Т. 31. Пермская губерния. СПб., 1904. [4], XII, 301 с.
Пермские губернские ведомости. Пермь, 1910. № 58. С. 7.
Покровская М. И. Борьба с проституцией: Доклад II отделению Росс. Общества хранения народного здоровья 10 дек. 1899 г. СПб., 1900. 33 с.
Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // Врач. 1897. № 25. XCIV.
Проституция по обследованию на 1 августа 1889 г. СПб.: Б. и., 1890. XXXVI, 85, 39 с.
Серебренников П. Н. Доклад об Ирбитском ямарочном сифилисе // Пермские губернские ведомости. 1884. № 3. С. 5–6.
Стахович Н. Счастливая // Екатеринбургская неделя. 1890. № 11. С. 250.
Торговцы живым товаром // Уральская жизнь. 1914. № 33–36. С. 5.
Труды Первого всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в Санкт-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 г. СПб., 1911. Т. 1; 1912. Т. 2. 624 с.
Тыркова А. В. Женский труд и проституция // Русская мысль. 1910. № 6. С. 124–136.
Уральская жизнь. Екатеринбург, 1912. № 12. С. 6.
Чехов А. П. Из Сибири: Рассказы. Письма. Сборник произведений. Иркутск: Б. и., 1985. 416 с.

Библиографический список

- Бушмаков А. В. Изменения ментальности городского населения российской провинции в конце XIX – начале XX века: Дис... канд. ист наук. Пермь, 2006. 215 с.
Голод С. И. Эмансипация сексуальности в России: рубеж XIX–XX вв. // Социол. исследования. 2009. № 9. С. 69–79.
Голосенко И. А., Голод С.И. Социологические исследования проституции в России. СПб.: Б. и., 1998. 128 с.
Егорова М. В. Повседневная жизнь учащихся и учителей Урала в XIX – начале XX в. М.: Б. и., 2008. 216 с.
Лебина Н. Б., Шкаровский М.В. Гетеры, авлетриды и тайные проститутки. Милость к падшим // Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX – 40-е гг. XX в.). М.: Б. и., 1994. С. 41–59.
Мальшева С. Ю. Профессионалки, «арфистки», «любительницы»: проститутки в российском провинциальном городе второй половины XIX – начала XX вв. // Клио. 2012. №. 3(63). С. 72–79.
Мартыненко Н. К. Российское общество в борьбе с проституцией // Изв. Урал. гос. ун-та. 2008. Вып. 16, № 59. С. 54–69.
Нижник Н. С. Деятельность врачебно-полицейских комитетов Министерства внутренних дел по осуществлению социального контроля над девиантным поведением в российском обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (54). С. 10–18.
Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М.: Б. и., 2004. 616 с.
Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX и XX веков. М.: Б. и., 1996. 571 с.
Яхно О. Н., Микитюк В. П. Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX – XX веков: Очерки городского быта. Екатеринбург: Б. и., 2014. 488 с.
Alpern E. B. Between the Fields and the City: Women, Work, and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge, 1994. 254 p.
Bernstein L. Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia. Berkeley, 1995. 289 p.
Stauter-Halsted K. The Devil's Chain: Prostitution and Social Control in Partitioned Poland. Ithaca, 2015. 379 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 07.02.2018

PROSTITUTION IN CITY EVERYDAY LIFE OF PERM PROVINCE IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

N. B. Konchakovskaya

Ural Federal University, Mira str., 19, 620002, Yekaterinburg, Russia
natalia_konchak@mail.ru

The article is devoted to the study of quantitative and quality indicators of female prostitution in the cities of Perm province in the late 19th – early 20th centuries. Based on statistics from 1889 and 1909, features of the spread of prostitution both in large industrial cities and in small towns for the period under review are revealed. The author presents a social portrait of women involved in commercial sex – their age, social origin, the time they became prostitutes, education, economic status, etc. Attention is paid to the public opinion on the existence of prostitution in the cities of the Perm province. Possible reasons for the involvement in prostitution are examined, from the economic factor to the processes of emancipation of sexuality in the urban environment in the course of urbanization both in Russia as a whole and in the Perm province. The existence of illegal forms of prostitutions along with legal ones is assessed. The features of everyday life of women engaged in prostitution in the cities of the Perm province are characterized. The author considers their living conditions, places of residence, possible movements, and the contingent of their "clients". An assessment is given of how their daily life was affected by state laws, the purpose of which was both to maintain public order and healthcare.

Key words: prostitution, prostitute, woman, everyday life, cities of the Perm province, urbanization.

References

- Alpern, E.B. (1994), *Between the Fields and the City: Women, Work, and Family in Russia, 1861-1914*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 254 p.
- Bernstein, L. (1995), *Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia*, University of California Press, Berkeley, USA, 1995.
- Bushmakov, A.V. (2006), *Izmeneniya mentalnosti gorodskogo naseleniya rossiiskoi provintsii v kontse XIX – nachale XX veka* [Changes of mentality of urban population of the Russian province at the end of 19th – the beginning of the 20th century]: PhD dissertation, Perm, Russia, 215 p.
- Egorova, M.V. (2008), *Povsednevnyaya zhizn uchashihsya i uchiteley Urala v XIX – nachale XX v.* [Everyday life of pupils and teachers of the Urals in 19th – early 20th century], Pamyatniki istoricheskoy mysli, Moscow, Russia, 216 p.
- Engelstein, L. (1996), *Klychi schastya. Seks i poiski putej obnovleniya Rossii na rubezhe XIX i XX vekov* [The keys to happiness: sex and the search for modernity in fin-de-siecle Russia at the turn of the 19th and 20th centuries], Terra, Moscow, Russia, 571 p.
- Golod, S.I. (2009), “Emancipation of sexuality in Russia at the turn of the 19th and 20th centuries”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, № 9, pp. 69–79.
- Golosenko, I.A. & S.I. Golod (1998), *Sotsiologicheskie issledovaniya prostitutsii v Rossii* [Sociological researches of prostitution in Russia], TOO TK «Petropolis», St. Petersburg, Russia, 128 p.
- Lebina, N.B. & M.V. Shkarovsky (1994), “Heteras, avletrida and secret prostitutes. Favor to fallen”, in *Prostitutsiya v Peterburge (40-e gg. XIX – 40-e gg. XX v.)* [Prostitution in St. Petersburg (the 1840s – the 1940s)], Progress-akademiya, Moscow, Russia, pp. 41–59.
- Malysheva, S.Yu. (2012), “Professionals, "harpists", "lovers": prostitutes in the Russian country town of the second half of 19th – early 20th centuries”, *Klio*, № 3(63), pp. 72–79.
- Martynenko, N.K. (2008), “The Russian society in fight against prostitution”, *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*, Issue 16, № 59, pp. 54–69.
- Nizhnik, N.S. (2012), “Activities of medical and police committees of the Ministry of Internal Affairs for implementation of social control over deviant behavior in the Russian society”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, № 2 (54), pp. 10–18.
- Stauter-Halsted, K. (2015), *The Devil's Chain: Prostitution and Social Control in Partitioned Poland*, Cornell University Press, Ithaca, USA, 379 p.
- Stayts, R. (2004), *Zhenskoe osvoboditelnoe dvizhenie v Rossii. Feminizm, nihilizm i bolshevizm* [Women's liberation movement in Russia. Feminism, nihilism and Bolshevism. 1860–1930], ROSSPEN, Moscow, Russia, 616 p.
- Yahno, O.N. & V.P. Mikityuk (2014), *Povsednevnyaya zhizn Yekaterinburga na rubezhe XIX – XX vekov: Ocherki gorodskogo byta* [Everyday life of Yekaterinburg at the turn of the 19th and 20th centuries: Sketches of city life], Izdatel'stvo AMB, Yekaterinburg, Russia, 488 p.